10.46272/2587-8476-2024-15-4-40-65

Подготовка дипломатов и внешнеполитическая субъектность: опыт стран Азии

Илья Владимирович Дьячков, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Алексей Дмитриевич Даниленко, Геттингенский университет, Германия
Полина Павловна Калугина, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Никита Сергеевич Куклин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: i.dyachkov@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено анализу взаимосвязи между системой подготовки дипломатических кадров и характером международного позиционирования стран на примере государств азиатского макрорегиона. Настоящая статья представляет собой *case study*: авторы концентрируются на изучении опыта Китая, Вьетнама, Республики Корея, Индонезии и Индии. Цель работы состоит в том, чтобы на подробном страноведческом материале изучить, как качество дипломатической подготовки коррелирует со стремлением национальных государств к автономии и субъектности в складывающемся полицентричном мировом порядке. Методологическая основа исследования включает мультипарадигмальный подход, сочетающий неореалистский взгляд на государство как ключевого актора международных отношений и конструктивистский анализ влияния социальных практик на дипломатическую стратегию. Рассматриваются системы подготовки дипломатов в вышеназванных странах, включая механизмы отбора, содержание образовательных программ, влияние национальной идеологии и традиций на кадровую политику. Результатом исследования становится вывод о наличии корреляции без каузальности между внешнеполитическим позиционированием стран и их моделями подготовки дипломатических кадров. Стремление государства к повышению своей самостоятельности зависит в большей степени от ее роли и места в мировой политике в пространственно-временном континууме. Так, в силу исторического опыта, среди рассмотренных кейсов стремление к самостоятельности сильнее у тех государств, где колониальная травма переживается острее. «Суверенность» при этом может принимать разные формы в зависимости от того, какими ресурсами государство обладает. Вместе с тем качественная дипломатическая подготовка обеспечивает саму *возможность* реализации суверенной линии, дает для этого необходимый кадровый и идейный инструментарий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дипломатическая подготовка, дипломатическая служба, внешнеполитическая субъектность, суверенитет, стратегия внешней политики, Азия

CC BY

© Илья Дьячков, Алексей Даниленко, Полина Калугина, Никита Куклин, 2024

Введение

Современный мировой порядок находится в процессе становления – в экспертном сообществе, в частности, ведется речь о «глобальном беспорядке»[1], «осыпающемся мировом порядке»[2] и наступлении «асинхронной многополярности»[3]. Набирающие динамику процессы полицентрализации мира порождают дискуссию о том, какой будет новая иерархия в системе международных отношений. Будущее архитектуры мирового порядка зависит от того, какие государства в наибольшей степени будут стремиться к реализации своего суверенитета и субъектности. В этом контексте возможность предсказать динамику суверенитета контрагента представляется особенно актуальной задачей для прикладного международно-политического анализа.

Теоретико-методологическую рамку настоящего анализа задает мультипарадигмальный подход, обеспечивающий его новизну на теоретическом уровне. Неореализм акцентирует внимание на государстве как основном акторе международных отношений, чья внешняя политика направлена на защиту суверенитета и национальных интересов[4]. В свою очередь конструктивизм, делая акцент на социальном конструировании реальности, идеях, восприятии и идентичности[5], позволяет исследовать, каким образом дипломатическая подготовка формирует идентичность государства и влияет на его самопозиционирование в международной системе.

Данная статья представлена как часть исследовательского проекта, в рамках которого был подготовлен доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» «В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира»[6]. Доклад охватил широкую выборку стран из разных регионов мира, однако в рамках данной статьи объектом более детального исследования являются государства из перечня, относящиеся к макрорегиону «Большой Восточной Азии»[7]: Китай, Вьетнам, Республика Корея, Индонезия и Индия. Выбор страновых кейсов обусловлен стремлением авторов рассмотреть страны с различным уровнем внешнеполитической субъектности и историческим опытом, что позволяет провести репрезентативный анализ связи между традицией подготовки дипломатических кадров и практикой реализации национальных интересов.

В основе данного исследования – гипотеза, что способ воспроизводства дипломатических кадров и качество их подготовки напрямую влияют на *modus operandi* министерства иностранных дел и внешнюю политику страны в целом.

1 Harvey 2003; "Charting the 2040: Younger Generation Insight on the World in the Making," Valdai Discussion Club, 2024, accessed November 5, 2024, https://valdaiclub.com/files/43956/.

2 *Барабанов, О.Н., Бордачев, Т.В., Лисоволик, Я.Д., Лукьянов, Ф.А, Сушенцов, А.А, Тимофеев, И.Н.* Жизнь в осыпающемся мире // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/22596/ (дата обращения: 05.11.2024).

3 *Тимофеев, И.Н.* Асинхронная многополярность: управляющие параметры и векторы развития // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 31 мая 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3AZAmh (дата обращения: 05.11.2024).

4 Mearsheimer 1994–1995; Walt 1985; Waltz 1979.

5 Kubálková et al. 1998.

6 *Сушенцов, А.А., Неклюдов, Н.Я.* В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/v-poiske-natsionalnykh-interesov-2024/ (дата обращения: 05.11.2024).

7 Воскресенский 2010.

Иными словами, цель работы – на подробном страноведческом материале изучить, как качество дипломатической подготовки коррелирует со стремлением национальных государств к автономии и субъектности в складывающемся полицентричном мировом порядке.

Для подтверждения этого предположения была изучена система отбора дипломатов – как формальные ее элементы (например, наличие или отсутствие вступительных испытаний), так и неформальные (клиент-патронские механизмы, сложившиеся традиции, интересы групп и пр.). Если в изучаемой стране в МИД идут на службу выпускники различных вузов, авторы определяли круг «поставщиков кадров» среди университетов и факультетов внутри них. В случае, если в стране существует подведомственное МИД учебное заведение, которое обладает в той или иной степени монополией на поставку кадров для министерства, задача исследователей упрощалась.

На следующем этапе авторы анализировали состав и содержание рабочих учебных планов, отмечая наличие страноведческих школ, изучение широкого спектра языков, обращение к страновой, региональной или мировой истории. Эти факторы учитывались как показатели стремления накапливать на национальном уровне экспертные знания, необходимые для самостоятельной реализации суверенных интересов на различных направлениях.

Важно рассмотреть, конвертируется ли накопленный потенциал во внешнеполитическую самостоятельность. Поэтому для каждого из изучаемых государств описывается не только становление и развитие современной национальной школы дипломатической подготовки, но и эволюция внешнеполитической стратегии с середины XX века. Анализ этих компонентов позволяет увидеть, какие стратегические задачи стоят перед внешней политикой этих стран, какие задачи учатся решать будущие дипломаты и каково взаимовлияние этих двух систем, если оно наблюдается.

Данное исследование является первичным, то есть построено преимущественно на источниках, среди которых документы, регулирующие дипломатическую службу и отбор на нее, систему подготовки дипломатов; документация соответствующих вузов (включая рабочие учебные планы); концептуальные внешнеполитические документы и пр. Это обстоятельство обусловливает научную новизну исследования, а также его теоретическую значимость. Исключение составляет анализ внешней политики изучаемых государств – здесь авторы преимущественно опирались на богатую востоковедческую литературу.

Китайская Народная Республика

Обзор внешней политики

История Китая как цивилизации насчитывает не одно тысячелетие. Современная КНР возникла в 1949 г., а в 1971 г. стала членом ООН. Внешняя политика Китайской Народной Республики прошла несколько эволюционных этапов. В биполярный период логика внешнеполитического поведения КНР определялась либо в терминах стратегического и идеологического союза с СССР, либо сближением с США на антисоветской основе. При этом важно отметить, что Китай

активно развивал взаимодействие со странами третьего мира – этот вектор выпукло наблюдается и сейчас, когда Пекин развивает сотрудничество со странами Глобального юга. С конца 1970-х гг. объективно назревшая необходимость серьезно заняться внутренними реформами (прежде всего, в социально-экономическом секторе) способствовала тому, чтобы, с одной стороны, внешняя политика была во многом подчинена целям внутреннего развития страны, а с другой стороны, был взят курс на большую ее открытость. Идейной основой китайской внешней политики в 1980–1990 гг. стала сформулированная в ряде публичных выступлений Дэн Сяопина концепция «копить силы, держаться в тени». Она подразумевала, с одной стороны, отказ от претензий на лидерство, с другой стороны, политику добрососедства. В частности, были нормализованы отношения с Индией (1988), Вьетнамом (1991), а также с Республикой Корея (1992) и Сингапуром (1990), ранее признававшими Тайвань.

Однако уже в начале 2000–2010-х гг. экономические успехи Пекина[1] позволили ему принять более «самоуверенный» подход ко внешнему миру. В 2003 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао предложил концепцию «мирного возвышения», а пришедший к власти в 2012 г. лидер КНР Си Цзиньпин выдвинул тезисы о «китайской мечте» и «великом возрождении китайской нации»[2]. В этом контексте появившаяся годом позже инициатива «Пояса и пути» (ОПОП) – по сути своей не просто инфраструктурный мегапроект, а альтернативная неолиберальному консенсусу модель глобализации «с китайскими характеристиками» и краеугольный камень внешнеполитической стратегии Китая (в 2017 г. упоминание об ОПОП было даже включено в Устав КПК). Другими примерами стремления Китая структурировать политико-географическое пространство служит его активное участие в различных региональных институтах и диалоговых форматах – Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС.

Одновременно с этими процессами более жесткой становится риторика. Стало употребляться понятие красной черты[3], обозначающее неприемлемость затрагивания наиболее чувствительных для Китая проблем – таких как вопросы Тайваня и Тибета. На Западе появился даже журналистский термин «дипломатия боевых волков», характеризующий напористый и прямолинейный стиль китайской дипломатии.

Косвенным показателем растущей мощи Китая является беспокойство, с которым к КНР относятся не только ближайшие соседи Пекина, но и США и Европейский союз. Так, в Стратегии национальной безопасности Дж. Байдена (2022) Китай обозначен в качестве «наиболее существенного стратегического вызова»[4].

1 К 2010 г. Китай стал второй экономикой мира после США, обогнав Японию по показателю ВВП по ППС и заняв от 16 до 18% мирового ВВП; Китай также занимает второе место после США по объему накопленных ПИИ и по вывозу капитала за рубеж; Китай – абсолютный лидер по внешнеторговому обороту и объему золотовалютных резервов.

2 "Achieving Rejuvenation Is the Dream of the Chinese People," November 29, 2012, accessed November 10, 2024, https://www.neac.gov.cn/seac/c103372/202201/1156514.shtml.

3 "China Calls Taiwan a 'Red Line', Criticises New US Military aid to Island," Reuters, December 22, 2024, accessed December 23, 2024, https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-calls-taiwan-red-line-criticises-new-us-military-aid-island-2024-12-22/.

4 "National Defense Strategy 2022," US Department of Defense, October 27, 2022, accessed November 10, 2024, https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf.

ЕС также рассматривает Китай как угрозу – в соответствии с этой логикой в 2023 г. глава Европейской комиссии У. фон дер Ляйен предложила осмыслять отношения с КНР в парадигме снижения рисков (дерискинга, *de-risking*)[1].

Иными словами, внешнеполитическая стратегия КНР становилась все более автономной по мере того, как Китай, приобретая все большую субъектность, занимал все более важное место в архитектуре современных международных отношений.

Подготовка дипломатов

В КНР профильным учреждением, занимающимся непосредственно подготовкой дипломатических сотрудников, специалистов в области международных отношений и международного права, с 1955 г. является подведомственный МИД и Министерству образования Китайский университет иностранных дел, находящийся в Пекине. С момента основания из числа его выпускников (около 20 000) более 30 человек занимали официальные министерские посты, около 500 человек занимали должности послов в зарубежных государствах, более 1000 человек работали советниками в посольствах Китая за рубежом, директорами правительственных департаментов и агентств. Кроме того, в Университете исследования в области дипломатии были впервые введены в качестве специализации на уровне бакалавриата[2]. Прием в дипломатический штат происходит на основе результатов общего конкурсного отбора и сдачи единого экзамена. Хотя в экзаменах в МИД могут принимать участие выпускники и других ведущих вузов КНР, анализ биографий высокопоставленных сотрудников Министерства позволяет заключить, что при приеме на работу диплом Китайского университета иностранных дел играет важную роль (не обязательно по профилю «международные отношения» – котируются и экономика, и юриспруденция).

Важное требование к каждому сотруднику МИД КНР состоит не только в профильном образовании, но и в партийности – при МИД имеется филиал Высшей партийной школы при ЦК КПК, где в течение полугода занимаются до 100 дипломатических сотрудников рангом до первого секретаря включительно[3]. Следовательно, система дипломатической службы КНР в большой степени остается закрытой и элитарной сферой, в которой при прочих равных приоритет отдается не профессиональным компетенциям, а партийной лояльности.

Большое значение имеет и владение языком страны пребывания. Так, например, дипломаты, возглавляющие в настоящий момент посольства КНР в России, Японии и Франции, в вузе специализировались на изучении соответствующих языков. При этом региональная специализация наличествует только в лингвистических вузах, где обучение естественным образом выстраивается вокруг страновой специфики. В Китайском университете иностранных дел (и других «политических» вузах, где преподают международные отношения) региональная специализация не предусмотрена. Частично ее отсутствие компенсируется

1 "Speech by President von der Leyen at the European China Conference 2023 organised by the European Council on Foreign Relations and the Mercator Institute for China Studies," European Commission, November 16, 2023, accessed November 10, 2024, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/speech_23_5851/SPEECH_23_5851_EN.pdf.
2 "China Foreign Affairs University," accessed November 10, 2024, https://en.cfau.edu.cn/.
3 Корсун 2010.

отдельными курсами о политике, дипломатии или экономике стран и регионов. Кроме того, довольно часто в отдельные курсы по двусторонним отношениям выносятся ключевые для внешней политики Китая страны – США, Япония, Республика Корея. Практики «вращающихся дверей» в Китае не сложилось. Однако ученых и экспертов в области мировой экономики и мировых финансов периодически направляют на краткосрочную работу в загранучреждения и зарубежные представительства КНР.

В Китае существует собственная школа теории международных отношений и критической геополитики, возникшая в 1970–80-х годах[1]. На начальном этапе базовый уровень международной политической науки китайские центры освоили посредством перевода соответствующей западной литературы[2]. Однако довольно быстро началась рефлексия относительно национальной специфики международно-политических исследований. Она содержательно опиралась как на марксистское и маоистское наследие, так и на традиции китайской философии, культурный и исторический опыт. В целом логика становления и развития школы международных отношений Китая соответствует традиционному для страны подходу, который описывается формулой «использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное – для утилитарного применения»[3].

Большое внимание в образовательном процессе уделяется национальной истории, истории дипломатической службы, истории международных отношений. В целом китайскую школу подготовки специалистов в области дипломатии характеризует стремление к фундаментальности. Это соответствует идентичности Китая как великой державы, государства-цивилизации, у которого неизбежно возникает потребность в интеллектуальной рефлексии относительно собственного исторического опыта влияния на мировую политику и его теоретическом осмыслении.

Социалистическая Республика Вьетнам

Обзор внешней политики

Одна из основ идеологии и дипломатии современного Вьетнама – тезис Хо Ши Мина «нет ничего дороже независимости и свободы»[4]. Развитие его внешней политики было предопределено колониальной историей, когда не только Вьетнам, но и весь регион достаточно быстро и довольно надолго стал объектом международной политики. Практически сразу после начала процессов деколонизации в 1940-е гг. и истончающегося влияния Франции в эпоху холодной войны регион стал полем противостояния крупных игроков – в первую очередь США и СССР. Позднее к размежеванию капиталистического и социалистического блоков добавилось «внутрисоциалистическое» противостояние между СССР и Китаем.

В основу внешнеполитической стратегии Вьетнама легли принципы многовекторности и нейтралитета в духе выдвинутого Хо Ши Мином лозунга «как

1 Ван, Ду 2008.
2 Воскресенский 2013.
3 Denisov 2016.
4 Локшин 2015.

можно больше друзей и как можно меньше врагов»[1]. На начальном этапе становления современной дипломатии Вьетнама главной ее целью было добиться международного признания, установив отношения с как можно большим числом стран. Когда эта задача была решена, Вьетнам стал расширять горизонты внешнеполитической деятельности и прикладывать усилия, чтобы играть более активную роль в мировой политике.

В постбиполярный период Вьетнам вступает в созданную еще в 1967 г. АСЕАН. Здесь важно отметить, что изначально эта организация создавалась как ответ на нарастающее геополитическое напряжение в регионе и, в частности, как инструмент сдерживания распространения коммунистической идеологии и влияния СССР и КНР в Юго-Восточной Азии. Важным фактором стало стремление государств-основателей (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда) укрепить собственную безопасность на фоне угрозы распространения социалистических движений и нестабильности, вызванной войной во Вьетнаме. Организация не только способствовала разрешению многих внутрирегиональных противоречий и консолидации стран региона в единое политическое пространство, но и стала инструментом укрепления позиций региона в целом и каждой из стран-участниц в международных делах. Присоединение Вьетнама в 1995 г. стало знаковым событием, символизирующим преодоление идеологических барьеров и переход к модели регионального сотрудничества, основанной на прагматизме и взаимной выгоде. На сегодняшний день вокруг АСЕАН сложилась сеть диалоговых партнерств с ключевыми игроками: возникли такие форматы, как АСЕАН+3 (Китай, Япония, Республика Корея, 1997), АСЕАН+6 (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, 2005). Фактор АСЕАН играет важную роль в формировании внешней политики современного Вьетнама.

Среди наиболее ярких иллюстраций успехов дипломатии Вьетнама на начало XXI в.: избрание непостоянным членом в Совет Безопасности ООН (2009–2009, 2020–2021), председательство в АСЕАН (2010, 2020), координация диалоговых форматов АСЕАН – Китай, АСЕАН – США, АСЕАН – ЕС, АСЕАН – Россия, оказание «добрых услуг» для проведения в Ханое второй в истории встречи лидеров КНДР и США (2019). Таким образом, на стратегическом уровне Вьетнам стремится создать имидж активного и прогрессивного члена международного сообщества, готового предложить свои решения региональных и глобальных проблем.

Примечательно, что дипломатический курс Вьетнама является результатом консенсуса двух лагерей в КВП. «Консерваторы» считают приоритетным развитие связей с Китаем, тогда как «реформаторы» настроены на сближение со странами Запада[2]. Результатом становится балансирование Ханоя между соперничающими за влияние в регионе державами. Отношения Вьетнама с Китаем, Россией и Индией, равно как и отношения с США, описываются в терминах «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Такая логика поведения в полной мере соответствует модели «державы среднего уровня» в конструктивистском понимании государства, которое во внеш-

1 Вершинина 2023, 100.
2 Le 2018.

неполитическом поведении руководствуется принципом нейтралитета и многовекторности, балансируя между великими державами и одновременно стремясь к интенсификации связей и сотрудничества внутри домашнего региона, а также работает на имидж добросовестного члена международного сообщества, выступая в качестве пасификатора[1].

Подготовка дипломатов

Школа подготовки дипломатических кадров во Вьетнаме начала складываться, когда в 1960 г. созданный годом ранее при МИД Вьетнама Колледж иностранных дел был объединен с Университетом экономики и финансов, а в 1967 г. на этой базе был сформирован Университет иностранных дел. В 2008 г. Университет был преобразован в Дипломатическую академию, которая входит в структуру МИД и играет роль «кузницы» дипломатических кадров. При этом абсолютное большинство высокопоставленных сотрудников министерства помимо Дипломатической академии учились в США и Европе. Это свидетельствует о высокой интегрированности вьетнамской системы подготовки международников и дипломатов в западный контекст.

Отбор сотрудников в МИД происходит на конкурсной основе. При этом, как и в Китае, партийность является ключевым требованием к допуску на госслужбу. Вьетнамские дипломаты в большинстве своем карьерные – анализ послужного списка высокопоставленных сотрудников МИД показывает, что все они прошли путь с самого низа служебной лестницы.

Набор курсов на программе «Международные отношения» Дипломатической академии свидетельствует о стремлении к фундаментальной подготовке: уделяется внимание национальной истории, истории международных отношений, анализу внешней политики Вьетнама[2]. Регионоведческие специализированные курсы в основном обращены на ближайшее окружение – Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию в целом и отдельные страны. Национальной теоретической школы международных отношений во Вьетнаме не сложилось. При этом подавляющий массив учебных материалов – импортные учебники и англоязычные статьи.

В целом логика подготовки дипломатов сопоставима с положением Вьетнама как державы среднего уровня. В основе внешнеполитической идентичности Вьетнама – стремление позиционировать себя как равноправного участника международных отношений, который может взять на себя ответственность за выработку национальных подходов к решению региональных и глобальных проблем, хотя Ханой далеко не всегда располагает достаточными ресурсами для разработки национальных образовательных материалов и, таким образом, национальной эпистемологии и нарративов о своей внешней политике. Поэтому, принимая оптику западного мира в общих вопросах науки о международных отношениях, более пристальное внимание Вьетнам уделяет научному поиску практических решений в проблемном поле «домашнего» региона.

1 Cooper 1997; Cooper et al. 2004.
2 “Undergraduate Studies. Programs,” Diplomatic Academy of Vietnam, accessed December 1, 2024, https://www.dav.edu.vn/en/bachelor-of-arts-in-international-relations-16835/.

Республика Корея

Обзор внешней политики

Толчком к рефлексии относительно своего места в мире и осознанию ценности самостоятельности для Кореи стала утрата суверенитета в начале XX в., когда страна стала японской колонией[1]. Корея была освобождена в 1945 г. внешними силами, но современные государства созданы на полуострове в 1948 г. борцами за независимость. Разделение страны заставило их опираться на патронов, выбранных еще в колониальные времена по личным политическим предпочтениям – СССР для Севера и США для Юга. Корейская война 1950–1953 гг. только закрепила эту конфигурацию. Республика Корея с 1953 г. документально оформляет военно-политический союз с США. В стране остается существенный американский военный контингент, и, что довольно необычно, вскоре южнокорейские вооруженные силы оказываются под командованием американского генерала.

Казалось бы, в таких условиях Сеул был обречен оставаться заурядным региональным сателлитом, «марионеткой» Вашингтона, однако реальность оказывается сложнее. Уже Пак Чонхи (1961–1979), считавший национальную самостоятельность высшим идеалом, превращает американо-южнокорейский союз, основу внешней политики страны, из механизма подчинения в механизм торга со «старшим» партнером[2]. Заметный поворот в сторону автономии в 1970-х гг. заставил США резко одернуть своего «младшего» союзника, однако это не изменило общий тренд. К концу 1980-х гг. Республика Корея, воспользовавшись Олимпиадой 1988 г. для демонтажа имиджа военной автократии, заявляет о региональных и глобальных внешнеполитических амбициях. Они обычно не противоречат американским интересам, но и не определяются ими.

В 1990-е гг. Сеул провозглашает концепцию «глобализации», под которой понималась не интернационализация хозяйства, интеграция в мировую экономику, а вывод страны на «мировой уровень», чтобы весь мир знал о Республике Корея, а она стала одним из мировых лидеров[3]. «Самопродвижение» остается важной дипломатической целью в последующие годы, несмотря на периодическую смену власти. Это вопрос не только престижа (хотя для Сеула крайне важно считаться и считать себя одной из передовых стран[4]), но и практической выгоды: так Республике Корея проще реализовывать свои экономические интересы.

Нередко для описания своего международного положения корейцы прибегают к пословице «в драке китов у креветок ломаются спины»[5]. На внешнеполитический дискурс влияет восприятие себя как маленькой, бессильной, обреченной страны, зажатой между «четырьмя могущественными державами» (США, Китаем, Россией и Японией)[6]. В известном смысле такое самоуничижение не более чем лукавство, но не случайно ключевой целью южнокорейской внешней политики

1 *Соловьев, А.* Корейский политический миф. Секция в рамках XIII Конвента РАМИ в МГИМО // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/korejskij-politicheskij-mif/ (дата обращения: 10.11.2024).
2 Snyder 2018, 24–46.
3 Старшинов 2022b, 102.
4 Старшинов 2022a, 139–140.
5 Торкунов, Стрельцов 2019, 269–270.
6 Стрельцов 2017, 281.

является создание привлекательного образа страны, желание поставить ее в один ряд с теми, кто кажется южнокорейцам «признанными» державами.

Нельзя не заметить, что образ «драки китов» явно созвучен аксиомам политического реализма. Корея мало сомневается в его постулатах: вся история страны с середины XIX по середину XX в. стала наглядным пособием для трагического урока по теории международных отношений.

Противостояние США с КНР и Россией в последние годы ставит Сеул перед значительной дилеммой. Республика Корея не может отказаться от союза с Вашингтоном, в котором видит как гарантию своей безопасности перед лицом «северокорейской угрозы», так и воплощение своих политических ценностей. Безоговорочно встроившись в американскую политику, Сеул рискует нанести значительный ущерб экономике в случае конфликта с Китаем.

Кроме того, Пекин и Москва традиционно поддерживают добрые отношения с Пхеньяном. Республика Корея хотела бы опосредованно пользоваться этим ресурсом для обеспечения своей безопасности, а разрыв с Китаем и Россией не позволит это сделать. Иными словами, перед южнокорейской дипломатией стоит задача если не уйти от выбора (в принципе, он сделан – Сеул *не может* и *не хочет* отказаться от союза с США), то хотя бы минимизировать его деструктивные последствия. Эта концепция получила название «стратегическая автономия»[1].

Для такого балансирования нужна очень хитроумная дипломатия, возможно, даже более сложная, чем в случае «простой» самостоятельности, и уж точно более изощренная, чем требуется «марионетке». Требуется опыт осмысления своего внешнего положения и устойчивая, отлаженная система подготовки дипломатов.

Подготовка дипломатов

Не удивительно, что современная южнокорейская школа международных отношений появилась достаточно давно. Считается, что первое в Южной Корее отделение «политики и дипломатии»[2] возникло в Университете Ёнсе (тогда – Институте Ёнхи) еще осенью 1945 г. – вскоре после освобождения страны от японского владычества и за три года до возникновения южнокорейского государства[3]. В исключительно женском Университете Ихва соответствующий факультет появился в 1950 г.[4], задолго до того, как первая выпускница этого весьма престижного заведения сдала экзамен для поступления на дипслужбу в конце 1980-х годов. В Сеульском университете такой факультет возник в 1958 г.[5], Университете Коре – в 1959 г. (а политологии – в 1946 г.)[6], в Университете

1 Асмолов et al. 2021.
2 Специальность в южнокорейских вузах, условно соответствующая российской специальности «международные отношения».
3 "연세대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy of the University of Barnes. History of the Faculty)," accessed December 14, 2024, http://politics.yonsei.ac.kr/pagegenerater.asp?catalogid=politics&language=ko&pagecode=intro03.
4 "이화대학교 정치외교학과. 연혁 및 교육목표. 연세대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy of Ihva University. Faculty History and Learning Objectives)," accessed December 14, 2024, https://politics.ewha.ac.kr/politics/intro/objective.do.
5 "서울대학교 정치외교학부. 학부연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Seoul University. History of the Faculty)," accessed December 14, 2024, https://psir.snu.ac.kr/category/history-ko/.
6 "고려대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Kore University. History of the Faculty)," accessed December 14, 2024, https://politics.korea.ac.kr/kupolitics_kor/about/history.do.

Хангук – в 1963 году[1]. Корейская государственная дипломатическая академия, выполняющая сейчас функции обязательной магистратуры для будущих дипломатов, появляется как экспертный центр при Пак Чонхив 1960-е годы[2].

Бакалавриат ведущих вузов Южной Кореи предоставляет фундаментальное образование по гуманитарным специальностям, для которого характерна опора в том числе на исторические дисциплины[3]. В них всегда преподаются как минимум немецкий, французский, русский, китайский, японский, испанский, но нередко и другие языки, как правило азиатские. В Университете иностранных языков Хангук, поставляющем в МИД немало кадров, 45 языков изучается в качестве специальности (по утверждениям этого вуза, это третье место в мире). Преподаются также история, политика, экономика и культура выбранной страны[4]. Иными словами, ассортимент предлагаемых курсов предоставляет широкие возможности для регионоведческой специализации.

Государство строго отбирает будущих дипломатов. Это престижный вид госслужбы (так, дипломат начинает карьеру с пятого из девяти рангов чиновников), и кандидаты обязаны сдавать строгие экзамены. Их содержание менялось с годами, но всегда требовалось владение иностранными языками (как правило, не только английским), проверялись исторические и политические знания посредством тестирований и эссе.

С 2013 г. все поступающие на дипломатическую службу должны пройти обучение в Корейской государственной дипломатической академии (КГДА, 국립외교원)[5]. С появлением обязательного обучения, предоставляющего государству контроль над подготовкой будущих дипломатов, наблюдается тенденция к смягчению строгости последующего отбора.

В учебном плане КГДА выделяется три основных блока: формирование чувства служебного призвания, воспитание компетенций и навыков дипломата, обучение иностранным языкам[6].

В первый блок входят изучение этики для дипломатов, правового мышления и правовых систем, сравнение восточной и западной цивилизаций, история международных отношений в Северо-Восточной Азии, современная история южнокорейской дипломатии. Во второй включено освоение следующих тем: геополитика и понимание отдельных регионов, международное право, международные переговоры, история дипломатической стратегии, многосторонняя дипломатия, подготовка документов, консульская служба, формулирование политики и управление внешними связями, публичная дипломатия, международная экономика

1 "한국외국어대학교 정치외교학과. 학과연혁 (Faculty of Politics and Diplomacy, Hanguk University of Foreign Languages. History of the Faculty)," accessed December 14, 2024, https://hufspol.hufs.ac.kr/hufspol/m01_s03.do.
2 "국립외교원. 연혁 (Korean State Diplomatic Academy. History)," accessed December 14, 2024, https://www.knda.go.kr/usr/intrcn/selectIntrcn02Contents.do.
3 "고려대학교 학과(부, 기관)별 교수요목 (Working Curricula of Kore University by Departments (Faculties, Organizations). 2022)," accessed December 14, 2024, https://ibook.korea.ac.kr/Viewer/KMWI36FW7SMQ; "서울대학교 정치외교학부. 교과목안내 (Faculty of Politics and Diplomacy, Seoul University. About the Subjects Taught)," accessed December 14, 2024, http://ir.snu.ac.kr/korean/sub4_01.php.
4 "한국외국어대학교. 대학/대학원 (Hanguk University of Foreign Languages. Bachelor's Degree/Master's Degree)," accessed December 14, 2024, https://www.hufs.ac.kr/hufs/11224/subview.do.
5 "국립외교원 (Korean State Diplomatic Academy)," accessed December 14, 2024, https://www.ifans.go.kr/knda/hmpg/kor/main/HmpgMain.do.
6 "외교관후보자정규과정 (The Training Course for Candidates for Diplomats)," accessed December 14, 2024, https://www.knda.go.kr/usr/edc/plan/selectPlan01Contents.do;jsessionid=zS-HhsxP6CQh-7hZ8YGAp5zDlkzWBbPEm4BiNh4M.knda21.

и торговая дипломатия, «северокорейская проблема». Третий блок подразумевает освоение английского и какого-либо второго языка (немецкого, русского, испанского, арабского, китайского, французского и пр.).

Обязательна практика в центральном аппарате и загранучреждениях МИД Республики Корея. Исходя из этого можно сделать ряд выводов. Во-первых, в Южной Корее видят в дипломатах не просто бюрократов, а чиновную элиту, выполняющую специфические функции. Отставные дипломаты обычно переходят не на другие госдолжности, а в академические или экспертные круги, где продолжают делиться своим опытом в области осмысления и реализации внешней политики[1].

Во-вторых, упор на изучение истории (как страны, так и дипломатии), региональных международных отношений указывает, что южнокорейский дипломат видит мировой исторический процесс и мировую политику через призму мощной локальной идентичности. Соседи, покровители и противники редко видятся идеализированно.

Это сочетание соответствует стоящим перед внешней политикой Сеула задачам. Как «средняя держава» Республика Корея не имеет существенных глобальных интересов (хотя и имеет глобальные амбиции – в частности, пропагандистские). Южнокорейские дипломаты должны в первую очередь добиваться выгодного течения событий в регионе, уметь влиять на непосредственных соседей и ключевых партнеров. Общемировые соображения интересуют Сеул прежде всего в той степени, в которой касаются его национальных интересов.

В-третьих, отсутствие активных интересов во всех регионах мира не означает, что Сеул не хочет быть готовым их защищать, если они возникнут. Вузы Республики Корея, в особенности выпускающий немало будущих дипломатов Университет иностранных языков Хангук, готовят специалистов даже по отдаленным от Восточной Азии странам. Такой инструментарий, помимо прочего, облегчает для Республики Корея продвижение положительного образа страны за рубежом, на которое тратятся немалые силы и средства.

Индонезия

Обзор внешней политики

Индонезийское понимание внешней политики неразрывно связано с представлением о стране как об «освободившемся государстве», которое должно оказывать поддержку и помощь другим развивающимся странам на основе идей социальной справедливости и гармонии (т.н. дух Бандунга)[2]. Государственная система Индонезии опирается на заложенные президентом Сукарно принципы *Панча сила* (пять принципов развития нации)[3] и доктрину «активной

1 Так, Ли Гюхен, бывший посол в России, ныне руководит экспертным Диалогом Россия – Республика Корея с корейской стороны, бывший посол в России Пак Нобек – ныне профессор КГДА. Не редкость и обратное: бывший посол в Японии Юн Донмин и сменивший его в 2024 г. Пак Чхольхи до назначения возглавляли КГДА.

2 Yates 2020, 55.

3 Вера в единого Бога; Справедливая и цивилизованная гуманность; Единство страны; Демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; Осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

независимости» первого вице-президента Мохаммада Хатта, которая определяет Индонезию как внеблоковую нейтральную страну, сохраняющую право активно действовать всеми доступными средствами для защиты национальных интересов[1].

На современном этапе к этой базе добавились новые концепции «Индонезии как ведущей демократии Юго-Восточной Азии» и «Индонезии как лидера мусульманского мира»[2]. Индонезия опирается на особенные подходы к демократии, которые, в отличие от западных форм, в большей степени оперируют местными теориями социальной справедливости и близки к идеологическим построениям первого президента Сукарно. Ислам в Индонезии имеет синкретическую самобытную форму и совмещен с доисламскими практиками. Индонезия позиционирует свой *Ислам Нусантара* как умеренное течение, основанное на терпимости и уважении к другим конфессиям, открытости к диалогу, и противопоставляет этот подход некоторым радикальным ближневосточным течениям[3].

Таким образом, сегодня на глобальном уровне Индонезия определяет себя как миротворец и пасификатор, защитник социальной справедливости и демократии[4], «зеленая» держава, борец с климатическими изменениями, «высокотехнологичная и цифровая держава в рамках индустрии 4.0»[5], защитник интересов мировой уммы и представитель интересов региона ЮВА на глобальных площадках (например, *G20*)[6]. Здесь мы можем наблюдать как ряд самобытных концепций, так и привнесенные извне, но адаптированные. «Зеленая повестка», или «четвертая промышленная революция», считаются в Индонезии «мировым стандартом», которому должна соответствовать держава, считающая себя сильной. Индонезия, однако, всегда оставляет за собой право предлагать свои подходы, менять наполнение терминов и определять их по-своему.

На региональном уровне страна позиционируется как политический лидер и консолидатор АСЕАН, экономически развитая держава региона, посредник во всех внутренних конфликтах, площадка добрых услуг для всех друзей и партнеров, главная военная сила региона, способная к реализации силового сценария и к защите партнеров.

Подготовка дипломатов

Для анализа столь комплексной школы дипломатии необходим ценностный подход, близкий к теоретической рамке конструктивизма, так как индонезийское общество существует в рамках сложной политической культуры патрон-клиентских отношений и элитарной фракционности[7]. Упомянутые идеи и концепции представляют систему координат не только для реализации внешней политики, но и для формирования взглядов чиновника.

1 Smith 2000, 9.
2 Куклин 2023, 102–103.
3 Hakim 2023, 187.
4 Almuttaqi 2020, 32.
5 "President Jokowi Highlights Strategies to Kick-Start Green Economy," Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia, January 20, 2022, accessed November 5, 2024, https://setkab.go.id/en/president-jokowi-highlights-strategies-to-kick-start-green-economy/.
6 "Indonesia and G20: Jokowi on the World Stage," Jakarta Post, December 11, 2022, accessed November 4, 2024, https://www.thejakartapost.com/opinion/2021/12/11/indonesia-and-g20-jokowi-on-the-world-stage-.html.
7 Jackson, Pye 2023, 349.

Благодаря сложившимся практикам внутриполитической конкуренции примат идеологических основ государственности воспринимается не только как политическая, но и как социальная норма, «образ жизни» индонезийца[1]. Из этой традиции проистекает обыденное и даже уважительное отношение к иностранному образованию у чиновников без опасений о внешнем влиянии, так как нормативная среда создает и корпоративную культуру со своими «красными линиями», в которых дипломат не может лоббировать чьи-то интересы, кроме индонезийских, иначе столкнется с потерей социального лица и авторитета – эти наблюдения автор делает, основываясь на своем личном опыте общения с индонезийскими чиновниками. При этом не возбраняется поддерживать западный образ жизни, считать его путем для развития Индонезии, призывать перенимать какие-то полезные западные практики без посягательства на идеологические основы страны.

В период «реформации» 1998–2004 гг. МИД Индонезии прошел через беспрецедентную трансформацию принципов отбора на службу в сторону меритократического подхода на основе экзаменов и рекомендаций, который заменил «назначенческий» принцип периода Сухарто, когда на службу могли попасть военные или представители семей близких к Сухарто элит[2].

При индонезийском МИД действует Учебно-образовательный центр (*Pusdiklat KEMLU*), включенный в структуру министерства. Дипломаты входят в состав Государственной службы Индонезии (*Aparatur Sipil Negara*) и, соответственно, проходят подготовку и обучение в министерстве после сдачи экзамена национальной гражданской службы (*Seleksi Calon Aparatur Sipil Negara*) и завершения программы базовой подготовки.

Так как в МИД Индонезии директораты поделены преимущественно по географическому принципу, уделяется особое внимание развитию партнерских связей с ключевыми странами профильных регионов, их специализированными дипломатическими вузами. Предполагается, что дипломат должен специализироваться на стране, знать ее язык и пройти там обучение.

Дипломы иностранных университетов в индонезийской традиции считаются престижными, одобряется активное участие в университетской жизни как в Индонезии, так и за ее пределами. Индонезийцы в силу развитой коллективности и широких взаимозависимых социальных связей поощряют вступление молодежи в политические партии, религиозные объединения, политические и общественные организации. Иногда членство в них переходит по наследству или считается частью идентичности семьи-«династии». Образование за рубежом индонезийские дипломаты или чиновники могут получать не только до службы, но и во время нее, брать для этого специальный отпуск или получать поддержку от той или иной организации (например, от крупных политических партий, таких как «Демократическая партия борьбы Индонезии», «Гериндра», «Голкар» и др.) с одобрения руководства. МИД гарантирует сохранение должности такого

1 Neher 2013, 238–240.
2 Куклин, Шпаковская 2021.

сотрудника и половины его зарплаты[1]. Находясь в стране обучения, дипломат может совмещать учебу с помощью своему посольству.

Выходцы из элиты зачастую активны в поступлении на дипслужбу из-за желания поддерживать авторитет семьи. Несмотря на меритократические принципы отбора, карьере помогает членство в вышеупомянутых влиятельных организациях, например религиозных, таких как Нахдатул Улама и Мухаммадия, или Ассоциация католических студентов Республики Индонезия. Используя как формальный институт рекомендаций, так и неформальные связи, они могут продвигать свои талантливые кадры и участвовать в развитии их карьеры. Это относится и к светским организациям. Даже совместное обучение в школе индонезийских боевых искусств *Пенчак Силат* или служба в воинском формировании может оказать влияние на карьеру. Несмотря на то что подобные социальные лифты встречаются практически во всех обществах, в Индонезии корпоративное устройство большинства светских и религиозных организаций предполагает их значительную роль во всех политических процессах.

В МИД могут назначаться бывшие сотрудники министерства обороны, министерства финансов и иных министерств из «внешнеполитического блока». За время своей карьеры чиновник может сменить несколько министерств, стать политиком или, наоборот, сделать карьеру дипломата, а ближе к пенсии стать журналистом или научным сотрудником. С точки зрения карьерного имиджа по достижении определенного авторитета человек воспринимается скорее как «универсальный государственник», которого можно назначить на любые должности. С другой стороны, строгая система отбора не пропустит непрофильного или недостаточно квалифицированного чиновника. Исторически в индонезийском МИД формировались и группы карьерных дипломатов. Часть из них относится к дипломатическим династиям или военным семьям, закрепившимся в министерстве в период президенства Сухарто, другая часть состоит из дипломатов, набранных на службу после реформы МИД в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Однако, как и упоминалось выше, происхождение и связи не могут в полной мере помочь кандидату на службу без хороших результатов экзамена. Со времен министра иностранных дел Хассана Вираюда (2001–2009) – автора реформы МИД – все последующие министры до 2024 г., а именно Марти Наталегава (2009–2014) и Ретно Марсуди (2014–2024), происходили из среды карьерных дипломатов, развивавшихся в системе МИД. В 2024 г. пост министра занял Сугионо, первый за много лет министр из среды военных и парламентариев.

В том, что касается образовательного опыта, международные отношения в Индонезии начали свое развитие в рамках истории и политических наук, что близко к российскому кейсу. Индонезийская специфика определила ориентацию ученых этой сферы на осмысление влияния сложной внутренней политики на дипломатию и внешнеполитический курс страны. Центрами научной деятельности становились частные университеты, связанные с правительством, армией,

1 "Rencana Pengembangan Kompetensi/ Human Development Plan (HCDP) Kementarian Luar Negeri (MFA of Indonesia) 2023–2024," Pusdiklat Kemlu, accessed December 3, 2024, https://lms.kemlu.go.id/home.php?page=pengumuman.

реже – религиозными и общественными движениями, которые могли готовить и содержать своих ученых.

Многие из университетов были основаны при Сукарно, часть осталась функциональной с колониальных времен, но так или иначе эти университеты были значимы как центры притяжения интеллектуалов со всей страны. В 1957 г. была основана первая кафедра международных отношений в одном из самых элитных университетов страны – Гаджа Мада (*UGM*), упор в ее работе был сделан на изучении западного опыта[1].

При этом большинство ученых, формирующих сегодня индонезийский внешнеполитический дискурс, являются воспитанниками университетов периода Сухарто. В 1985 г. произошло открытие первой программы по международным отношениям на базе Университета Индонезии (*UI*). В этот период подготовка опиралась на учебники и книги, написанные такими американскими учеными, как Дж.Ф. Кеннан, Г. Моргентау, К.Н. Уолтц, Э.Б. Хаас. Многие программы поддерживались по линии Фонда Азии, Фондов Форда и Рокфеллера и других зарубежных организаций[2].

Реалистская традиция закрепилась среди индонезийских ученых и оказала влияние на содержание их курсов, так как они зачастую стереотипно полагали, что реализм и есть основа американского могущества. Во многих отношениях реалистские идеи, такие как «национальная мощь», «национальные интересы», «баланс сил», «сдерживание», были очень близки к сознанию военных и чиновничьих элит сухартовского периода.

Таким образом, современная система подготовки кадров на базе крупных университетов методологически привязана к западным стандартам развития международных отношений, причем порой на самом Западе уже считающимся устаревшими. Однако нельзя утверждать, что, копируя форму, Индонезия копирует и содержание. Даже среди работ ученых, имеющих двойное образование, наблюдается стремление к исследованию самобытных основ индонезийской политической мысли, исторического опыта страны, ее идеологии, мусульманского фактора и многих других аспектов, не принадлежащих к полю западной мысли – того, что Б. Бузан и А. Ачарья стремились относить к категории «незападных» теорий международных отношений[3]. Выходит множество учебников и монографий, сочетающих разные подходы и школы.

Проблемой развития школы изучения международных отношений в Индонезии можно считать ограниченную вовлеченность университетов и аналитических центров в процесс принятия внешнеполитических решений. То, насколько услышанным будет ученый, определяется его авторитетом и связями. При этом некоторые ученые по-прежнему игнорируют западные школы и стремятся к постижению ситуации в мире только через индонезийский научный опыт, другие же их коллеги, напротив, отказываются признавать «эндемичность», полагая, что западные теории способны достаточно точно объяснить все тонкости индонезийского мировоззрения и положения страны в мире. На современном этапе ученые в большей степени сочетают индонезийские и западные подходы в работах или

1 Mas'oed 2020.
2 Hadiwinata 2008.
3 Acharya, Buzan 2010.

стремятся осмыслить западный опыт через индонезийскую концептуальную рамку. Например, некоторые ученые, такие как Деви Фортуна Анвар[1] и Ризал Сукма[2], часто обращаются к западным теориям, стремясь объяснить индонезийскую политическую ситуацию через призму универсальных моделей, в то время как такие авторы, как Азъюмарди Азра[3] и Анак Агунг Банью Первита[4], акцентируют внимание на уникальности индонезийского опыта и самобытности страны. В их работах подчеркивается, что для полного понимания индонезийского мировоззрения и взаимодействия на международной арене необходимо опираться на местные традиции и культурные особенности, которые, по их мнению, не могут быть адекватно объяснены только через западные концептуальные рамки.

Большую роль в формировании государственной политики играют сам президент и его взгляды, взгляды его окружения и их принадлежность к тем или иным фракциям. Индонезия остается многофакторной, сложной и высококонтекстной общественно-политической системой.

Индия

Обзор внешней политики

Отличительной чертой внешней политики Индии с момента обретения независимости были и остаются последовательность и неизменность основных внешнеполитических ориентиров. Основные задачи внешней политики Индии, сформулированные уже во времена премьерства Джавахарлала Неру (1947–1964), формируют три основных трека деятельности индийского внешнеполитического ведомства: 1) обеспечение безопасности; 2) создание условий для экономического развития; 3) укрепление авторитета в мировой политике с целью превращения в мировую державу[5].

На практике преследование этих целей в биполярную эпоху нашло отражение в делении дипломатической работы на три основных направления с отличными друг от друга приоритетами. В отношениях с СССР и США Индия стремилась сохранять равноудаленность, параллельно углубляя экономические и политические связи с обоими «полюсами». В отношениях с большинством незападных стран Индия стремилась занять положение лидера, превратиться в «выразителя интересов Глобального юга», что проявлялось, в частности, в активном участии и фактическом лидерстве в Движении неприсоединения вплоть до окончания холодной войны. Наконец, в отношениях со своими непосредственными соседями в Южной Азии своим приоритетом Индия видела укрепление авторитета и доминирующего положения в регионе[6].

На протяжении почти 80 лет, прошедших с момента деколонизации, эти основные внешнеполитические задачи не пересматривались и практически в неизменном виде дошли до наших дней, в то время как методы их реализации кор-

1 Fortuna 1996.
2 Sukma, Rizal 2003.
3 Azyumardi 2006.
4 Anak Agung, Wattimena 2019.
5 Лунев 2010, 1–2.
6 Ibid., 3.

ректировались в соответствии с изменяющимися международными условиями и достигнутым прогрессом. Наиболее значительная перестройка внешнеполитического курса произошла в 1990-е гг. вследствие краха биполярной системы после распада СССР. В новых условиях стратегия равноудаленности обессмыслилась[1]. По той же причине в 1990-е гг. начался кризис Движения неприсоединения[2]

Нью-Дели был вынужден пересмотреть свой внешнеполитический курс, и он был скорректирован так, чтобы отвечать тем же самым целям – обеспечению безопасности, экономическому развитию и повышению авторитета. Оказавшись в условиях стратегической неопределенности без поддержки СССР, индийское руководство, учитывая соседство с «ядерным» Китаем и пользующимся его поддержкой Пакистаном, приняло решение обеспечить свою безопасность наиболее надежным способом – путем превращения в ядерную державу. В 1998 г. Индия вопреки протестам Запада объявила себя таковой после серии ядерных испытаний, что способствовало не только решению проблемы безопасности, но и повышению международного авторитета. По мнению индийской политической элиты, «страна без ядерного оружия не может считаться великой державой»[3].

Распад СССР означал для Индии потерю важного экономического партнера, что вынудило страну искать другие способы обеспечить развитие. В 1992 г. была провозглашена политика *Look East* («смотри на Восток»), главными целями которой было укрепление связей с экономически развитыми странами Восточной Азии (Япония, Сингапур, Республика Корея) и странами АСЕАН[4]. С 2016 г. эти связи стали углубляться в рамках политики *Act East* («действуй на Востоке»)[5].

Таким образом, Индия не сходит с избранного пути постепенного и последовательного, эволюционного экономического развития, с одновременным обеспечением собственной безопасности и укреплением своего авторитета на мировой арене. Все это говорит о значительной степени преемственности и последовательности во внешней политике страны.

Подготовка дипломатов

Сохранение преемственности внешнеполитического курса Индии с 1947 г. объясняется целым рядом внешних и внутренних причин. Однако данное исследование сосредоточится лишь на одной из них – организации дипломатической службы и системы подготовки внешнеполитических кадров. Наиболее важным фактором здесь является закрытый, элитарно-меритократический, эксклюзивный характер индийской государственной службы в целом и дипломатической в частности, который был унаследован Индией вместе с выстроенной во время британского владычества системой государственного управления.

Отбор на дипломатическую (*Indian Foreign Service, IFS*) и государственную (*Indian Administrative Service*) службу в Индии происходит совместно, посредством

1 Куприянов, Макаревич 2021, 75.
2 Крылов 2018, 27–28.
3 *Куприянов, А.В.* Как Индия обзавелась ядерной бомбой и почему не сразу в этом призналась. Совет по внешней и оборонной политике // Совет по внешней и оборонной политике. 23 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://svop.ru/mains/33128/ (дата обращения: 12.11.2024).
4 Jaffrelot 2003, 45–46.
5 K.V. Kesavan, "India's 'Act East' Policy and Regional Cooperation," Observer Research Foundation, 2020, accessed November 12, 2024, https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375.

специального экзамена, который ежегодно проводится Центральной комиссией государственный службы (*Union Public Service Commission, UPSC*). Такая форма отбора на государственную службу происходит из времен колониальной зависимости Индии от Великобритании. Так, бюрократический персонал для управления колонией впервые стал набираться с помощью экзамена, организованного такой комиссией еще в 1855 г., однако тогда все соответствующие мероприятия проводились в Лондоне, причем условия экзамена были формально «демократичными»: индийцы могли явиться в Лондон и сдать экзамен, однако его структура и содержание, а также необходимость оплатить расходы, связанные с этим, фактически предотвращали допуск исконного населения страны к участию в управлении ею. Первый индиец, принятый на работу в колониальную Индийскую Административную Службу (*Indian Administrative Service*), сдал этот экзамен только в 1864 г., а проведение экзамена на территории Индии началось лишь в 1922 году. Тем не менее усилия британцев фактически заложили административно-бюрократический скелет государственной, в т.ч. и дипломатической, бюрократии Индии, который и был унаследован ею после обретения независимости в 1947 году[1].

Формальные критерии к кандидатам таковы: быть гражданином Индии 21–32 года; иметь научную степень не ниже магистерской, выданную индийским или признаваемым в Индии зарубежным вузом; соответствовать требованиям к состоянию здоровья[2]. На экзамен отводится шесть попыток. Количество кандидатов растет с каждым годом и конкурс ужесточается, что определяет элитарный характер индийской дипломатической службы. В последние годы из более чем *миллиона* заявок отбирается несколько *десятков* дипломатов[3]. Согласно данным, представленным на официальном сайте МИД Индии, ежегодное пополнение дипломатической службы страны составляет в среднем 30–35 человек[4]. Для сравнения, в 2019 г. в МИД России поступило на службу более 100 выпускников вузов[5], а в 2024 г. – 104 выпускника[6]. Отобранные кандидаты отправляются проходить профессиональную подготовку в специальном подведомственном МИД Индии образовательном учреждении – Институте дипломатической службы им. Сушмы Сварадж (*Sushma Swaraj Institute of Foreign Service*).

Чаще всего в индийский МИД попадают выпускники Университета им. Дж. Неру (*Jawaharlal Nehru University, JNU*) в Дели. Впрочем, западные наблюдатели критикуют эту школу за «относительно слабую традицию изучения других

1 "Government of India Union Public Service Commission. Historical Perspective," accessed November 12, 2024, https://upsc.gov.in/about-us/historical-perspective.
2 "Government of India Union Public Service Commission. Examination Notice no 05/2023-CSP," February 1, 2023, accessed November 12, 2024, https://www.upsc.gov.in/sites/default/files/Notif-CSP-23-engl-010223.pdf.
3 "The Final Result of Civil Services Examination (CSE), 2022 has been Declared Today, the 23rd May," Government of India. Press Information Bureau, 2023, accessed November 12, 2024, https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1926637; "Civil Services Examination," Government of India. Press Information Bureau Press Note, 2022, accessed November 12, 2024, https://upsc.gov.in/sites/default/files/FR-CSM-22-engl-230523.pdf; "Civil Services Examination. Government of India," Government of India. Press Information Bureau, 2019, accessed November 12, 2024, https://upsc.gov.in/sites/default/files/FR-CSE-2019-040820-ENG.pdf.
4 "Indian Foreign Service," Government of India. Ministry of External Affairs, 2023, accessed November 12, 2024, https://www.mea.gov.in/indian-foreign-service.htm.
5 О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с выпускниками вузов, поступившими впервые на дипломатическую службу // Совет Молодых Дипломатов МИД России. 1 ноября 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://smd-mid.ru/news/490-01november (дата обращения: 12.11.2024).
6 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с выпускниками вузов, принятыми впервые на дипломатическую службу, Москва // Совет Молодых Дипломатов МИД России. 12 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1981279/ (дата обращения: 12.11.2024).

регионов, методологии общественных наук и иностранных языков»[1]. Для Индии также характерен в целом слабый уровень связей между «практиками» из МИДа и работниками исследовательских центров в силу того, что МИД страны крайне трепетно относится к безопасности данных[2].

Жесткий отбор и дальнейшая подготовка дают индийским высокопоставленным дипломатам большой кредит доверия в ведении внешних дел, в результате чего процесс принятия решений по конкретным вопросам становится очень гибким и индивидуалистическим, а контроль из центра остается минимальным. С другой стороны, в министерстве наблюдается постоянная нехватка кадров, вынуждающая каждого дипломата брать на себя весьма широкую зону ответственности. Более того, у недоукомплектованного министерства не хватает ресурсов на глубокое стратегическое планирование, в результате чего у страны нет таких основополагающих документов, как, например, концепция внешней политики. Такой процесс принятия решений значительно ограничивает возможность общества влиять на внешнеполитическую линию страны[3].

Жесткий отбор способствует закреплению корпоративизма МИД Индии[4]. Его основы были заложены еще 36 первыми сотрудниками министерства, которых объединяли общие взгляды и престижное британское образование[5]. Первый премьер-министр и по совместительству министр иностранных дел Джавахарлал Неру, по выражению одного отставного индийского дипломата, «наделил индийскую дипломатическую службу интернационалистской, глобалистской культурой»[6]. Эта устойчивая корпоративная культура позволяет кадровому костяку МИД сопротивляться изменениям, диктуемым властью. Примером является скрытное, но упорное неодобрение попыток нынешнего правительства привнести черты индусского национализма в дипломатическую повседневность, которые К. Худжу описывает на материале своих исследований индийской дипломатической среды. Так, она утверждает, что сотрудники министерства различают «прогрессивного Моди» и «регрессивные проявления Хиндутвы, во имя которых он правит», акцентируя его экономическую политику и, наоборот, стараясь замалчивать и игнорировать проявления религиозной нетолерантности по отношению к живущим в стране религиозным меньшинствам (в первую очередь мусульманам)[7]. В том же духе она подчеркивает и чисто формальный характер поддержки дипломатами идей «индусского национализма», которые, по выражению одного из них, «сейчас могут хорошо сыграть [для продвижения по карьере]»[8]. По большей же части, более высокопоставленные индийские дипломаты выражают снисходительное отношение к идеологии, разделяемой правящей партией, считая ее уделом своих «менее одаренных коллег»[9], таким образом демонстрируя устойчивость и стабильность корпоративной культуры министерства.

1 Markey 2009, 81.
2 Ibid., 78.
3 Miller 2014, 7–8.
4 См. психологический эксперимент Эллиота-Миллса.
5 Benner 1985, 45–46.
6 Huju 2022, 426.
7 Ibid., 433.
8 Ibid., 434.
9 Ibid., 435.

Заключение

Исследование о соотношении между внешнеполитическим позиционированием и моделью подготовки дипломатических кадров на примере КНР и Вьетнама показывает наличие корреляции без причинно-следственных связей. Более суверенный в международных отношениях Китай имеет более фундаментально ориентированную школу подготовки дипломатов с большей национальной спецификой, чем вынужденный балансировать и от этого менее самостоятельный в своей внешней политике Вьетнам. Однако одно не является следствием другого: оба государства на доктринальном уровне декларируют важность национального суверенитета и стремление к повышению собственного влияния в мировой политике. Иными словами, подготовка дипломатических кадров зависит не от стремления к большей «суверенности» или отсутствия такового, а от потребности в рефлексии о внешнеполитической идентичности страны и ее роли как цивилизации в мировой политике в пространственно-временном континууме. Такая потребность характерна для великих держав (и государств, претендующих на этот статус) и не свойственна для держав среднего уровня. Опыт сравнения Китая и Вьетнама доказывает справедливость этого тезиса.

Южнокорейский пример демонстрирует, что качество дипломатической подготовки прямо пропорционально если не степени внешнеполитической самостоятельности, то умению действовать самостоятельно. Несмотря на некоторые издержки, Республика Корея в целом комфортно чувствует себя в рамках союза с США и всерьез не мыслит свое существование вне его. Глобализация под американским флагом создавала фактически идеальные «фрирайдерские» условия для Сеула, и он скорбит о конце такого порядка. Южной Корее незачем было *стремиться* к самостоятельности, бросать вызов однополярному миру, однако сейчас, когда он рушится, Сеул демонстрирует готовность самостоятельно действовать, оберегать свои интересы, не жертвовать ими бездумно по первому зову старшего союзника. Такой способности Республика Корея действительно обязана развитой школе подготовки дипломатов, опирающейся на богатый и сложный исторический опыт страны.

Система подготовки дипломатических кадров в Индонезии представляет собой интересный кейс становления национальной дипломатической школы в рамках синкретического подхода к соединению лучших индонезийских практик с западным теоретическим опытом в сфере международных отношений. При этом Индонезию трудно отнести как к сторонникам глобализации и унификации дипломатической подготовки, так и к странам, которые стремятся развивать полностью национальный подход в подготовке кадров. Это можно сформулировать как стремление индонезийской стороны наполнить западные практики, инструментарий, теоретическую базу и дипломатические приемы собственным содержанием, адаптировать их к сложной роли Индонезии и ее самопозиционированию как региональной державы с глобальным участием.

Система подготовки и набора кадров оказывает значительное влияние на то, как ведется внешняя политика Индии. В частности, система отбора кадров, основанная на сдаче крайне сложного экзамена, оказывает на внешнюю политику Индии стабилизирующее действие, предотвращая значительные колебания внешнеполитического курса, контролируемого элитарным «клубом» дипло-

матов. При этом обратной стороной недостаточного уровня развития программ по международным отношениям, слабого сообщения между практиками и исследователями внешней политики является недостаточное качество стратегической дискуссии, что может негативно влиять на качество дипломатии.

Несмотря на широкий разброс национальной специфики, все же можно выделить общие моменты. Все рассмотренные страны – постколониальные, и стремление к самостоятельности сильнее у тех государств, где колониальная травма переживается острее. При этом «суверенность» может принимать разные формы: восстановление «привычной» великодержавности (Китай); балансирование между региональными центрами силы (Вьетнам, Республика Корея) или глобальными лагерями (Индия); коллективное конструирование регионального политического пространства (Индонезия).

Во всех изученных странах дипломатия является специфическим, «элитарно-клубным» видом государственной службы. Попадание в этот «клуб» возможно либо через строгий отбор, либо через учебу в особых центрах. Это позволяет говорить о наличии четко оформленных национальных школ дипломатии и школ подготовки дипломатов. Так или иначе, большинство изученных стран создает национальную эпистемологию международного, которая может принимать разные формы – от опоры на «эндемические» концепции до модифицирования заимствованных идей вплоть до их полного переосмысления. За исключением Индии, в большинстве изученных стран делают акцент и на регионоведческой подготовке, понимая, что лучших результатов можно добиться только при глубоком понимании специфики поведения партнера.

При этом гипотеза, что качество подготовки дипломатических кадров определяет степень суверенности, восточноазиатскими примерами подтверждается лишь частично. Устройство и смысловое наполнение системы подготовки дипломатов не определяют содержание внешней политики *напрямую,* однако ее роль не менее важна. Качественная дипломатическая подготовка обеспечивает саму *возможность* реализации суверенной линии, дает для этого необходимый кадровый и идейный инструментарий. Без этой системы актуализация исторического опыта через внешнюю политику попросту невозможна. Не все рассмотренные государства реализуют свой суверенитет ревизионистски, через прямой вызов сложившейся международной ситуации, однако все они благодаря прочной системе дипломатической подготовки способны защитить свои интересы и сохранить субъектность в условиях глобальных перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Асмолов, К.В., Соловьев, А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная аналитика, 2021. № 2. С. 66–69. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-732.

Asmolov, Konstantin V., and Andrey V. Solovyev. “Strategic Autonomy of the Republic of Korea: Intellectual Chimera or Political Reality.” *International Analytics* 12, no. 2 (2021): 66–69 [In Russian].

Ван Сюэцзюнь, Ду Биньвэй. Концептуальные факторы эволюции западной теории международных отношений // Журнал Института международных отношений. 2008. № 1. С. 9–14.

Wang Xuejun, and Du Bingwei. “Conceptual Factors in the Evolution of Western International Relations Theory.” *Journal of the Institute of International Relation*s 1, no. 1 (2008): 9–14 [In Russian].

Вершинина, В.В. Региональные организации во внешней политике Вьетнама. Взгляд через призму концепта «держав среднего уровня». Москва: Аспект Пресс, 2023.

Vershinina, Valeria V. *Regional Organizations in Vietnam’s Foreign Policy*: *A View Through the Lens of the “Middle Power” Concept.* Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. (ред). «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. М.: МГИМО-Университет, 2010.
"Greater East Asia": World Politics and Regional Transformations: A Scientific and Educational Complex, edited by Alexey D. Voskresensky. Moscow: MGIMO University, 2010 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. Китайская школа комплексных миро-политических исследований и перспективы ее развития после XVIII съезда КПК. Москва: ИДВ РАН, 2013.
Voskresensky, Alexey D. *The Chinese School of Comprehensive World Political Studies and Its Development Prospects After the 18th CPC Congress*. Moscow: Institute of the Far East, RAS, 2013 [In Russian].

Крылов, С.А. Движение неприсоединения: история и современность // Обозреватель. 2018. № 3. С. 26–43.
Krylov, Sergey A. "The Non-Aligned Movement: History and Modernity." *Observer*, no. 3 (2018): 26–43 [In Russian].

Куклин, Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023.
Kuklin, Nikita S. *Conceptual Foundations of Indonesia's Foreign Policy.* Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].

Куклин, Н.С., Шпаковская, М.А. Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001–2009 гг.) // Вопросы истории. 2021. № 9. С. 231–234.
Kuklin, Nikita S., and Maria A. Shpakovskaya. "The Reform of Indonesia's Ministry of Foreign Affairs as a Reflection of the Evolution of the Country's Foreign Policy Course (2001–2009)." *Voprosy Istorii,* no. 9 (2021): 231–234 [In Russian].

Куприянов, А.В., Макаревич, Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 74–92. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92.
Kupriyanov, Alexey V., and Gleb G. Makarevich. "India in the Post-Bipolar Era: Thirty Years of Searching for a Place in the World." *International Analytics* 12, no. 2 (2021): 74–92 [In Russian].

Лунев, С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 189–201. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-189-201.
Lunev, Sergey I. "India's Foreign Policy and the Influence of Internal Factors." *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (10) (2010): 189–201 [In Russian].

Локшин, Г.М. Идеи Хо Ши Мина во внешней политике Вьетнама // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 52–57.
Lokshin, Grigoriy M. "Ho Chi Minh's Ideas in Vietnam's Foreign Policy." *Problems of the Far East,* no. 3 (2015): 52–57 [In Russian].

Старшинов, А.С. Дихотомия хучжингук-сончжингук и ее влияние на политический дискурс Республики Корея // Восточная Азия: Прошлое, Настоящее, Будущее. Сборник статей международной научной конференции молодых востоковедов. Москва, 2022a. С. 298–306.
Starshinov, Alexandr S. "The Dichotomy of Hujinguk-Sonchjinguk and Its Influence on the Political Discourse of the Republic of Korea." In *East Asia: Past, Present, Future. Collection of Articles from the International Scientific Conference of Young Orientalists*, 298–306. Moscow, 2022 [In Russian].

Старшинов, А.С. Сегехва и идеологические изменения в Республике Корея (1993–1998) // Проблемы Дальнего Востока. 2022b. № 5. С. 94–108. https://doi.org/10.31857/S013128120022119-1.
Starshinov, Alexandr S. "Segyehwa and Ideological Changes in the Republic of Korea (1993–1998)." *Problems of the Far East,* no. 5 (2022): 94–108 [In Russian].

Стрельцов, Д.В. (ред.). Внешнеполитический процесс на Востоке. Москва: Аспект Пресс, 2017.
The Foreign Policy Process in the East, edited by Dmitriy V. Streltsov. Moscow: Aspect Press, 2017 [In Russian].

Торкунов, А.В., Стрельцов, Д.В. (ред.). Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. Москва: Аспект Пресс, 2019.
Transformation of International Relations in Northeast Asia and Russia's National Interests, edited by Anatoliy V. Torkunov, and Dmitriy V. Streltsov. Moscow: Aspect Press, 2019 [In Russian].

Acharya, Amitav, and Barry Buzan. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia.* London: Routledge, 2010.

Almuttaqi, A Ibrahim. *Jokowi's Indonesia and the World.* Singapore: World Scientific Publishing, 2020.

Anak Agung, Banya-Perwita, and Ridho Wattimena. *Memahami Hubungan Internasional Kontemporer*. Salemba, 2019.
Anak Agung, Banya-Perwita, and Ridho Wattimena. *Understanding Contemporary International Relations*. Salemba, 2019 [In Indonesian].

Azyumardi, Azra. *Indonesia, Islam, and Democracy: Dynamics in a Global Context.* Omaha, Solstice, 2006.

Benner, Jeffrey. *The Indian Foreign Policy Bureaucracy*. Routledge, 1985. https://doi.org/10.4324/9780429311789.

Cooper, Andrew F. *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War.* London: Macmillan Press, 1997.

Cooper, Andrew F., Higgott, Richard A., and Kim R. Nossal. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order.* Vancouver: UBC Press, 2004.

Denisov, Igor E. "Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China." *Social Sciences* 47, no. 2 (2016).

Fortuna, Anwar Dewi. *Indonesia's Strategic Culture: Ketahanan Nasional, Wawasan Nusantara, and Hankamrata*. Griffith University: Centre for the Study of Australia-Asia Relations, Australia-Asia Papers No. 75, 1996.

Hadiwinata, Bob S. International Relations in Indonesia: Historical Legacy, Political Intrusion, and Commercialization. *International Relations of the Asia-Pacific* 9, no. 1 (2008): 55–81. https://doi.org/10.1093/irap/lcn026.

Hakim, Luqman N. *Islamism and the Quest for Hegemony in Indonesia*. Palgrave Macmillan Ltd, 2023.

Harvey, Robert. *Global Disorder: How to Avoid a Fourth World War*. NY: Carroll & Graf, 2003.

Huju, Kira. "Saffronizing Diplomacy: The Indian Foreign Service under Hindu Nationalist Rule." *International Affairs* 98, no. 2 (2022): 423–441. https://doi.org/10.1093/ia/iiab220.

Jackson, Karl D., and Lucian W. Pye. *Political Power and Communications in Indonesia*. Berkeley: University of California Press, 2023.

Jaffrelot, Christophe. "India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective." *India Review* 2, no. 2 (2003): 35–68. https://doi.org/10.1080/14736480412331307022.

Kubálková, Vendulka, Nicholas Onuf, and Paul Kowert, eds. *International Relations in a Constructed World*. Armonk: M.E. Sharpe, 1998.

Le, Hong Hiep. "Introduction. The Making of Vie-

tnam's Foreign Policy under Doi Moi." In *Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi,* edited by Le, Hong Hiep, and Anton Tsvetov. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2018.

Markey, Daniel S. "Developing India's Foreign Policy 'Software'." *Asia Policy,* no. 8 (2009): 73–96. https://doi.org/10.1353/asp.2009.0025.

Mas'oed, Mohtar. *Isu Dan Aktor Politik Luar Negeri.* Gadjah Mada University Press, 2020.

Mas'oed, Mohtar. *Issues and Actors of Foreign Policy*. Gadjah Mada University Press, 2020 [In Indonesian].

Mearsheimer, John J. "The False Promise of International Institutions." *International Security* 19, no. 3 (1994–1995): 5–49. https://doi.org/10.2307/2539078.

Miller, Manjari C. "The Un-Argumentative Indian?: Ideas About the Rise of India and Their Interaction With Domestic Structures." *India Review* 13, no. 1 (2014): 1–14. https://doi.org/10.1080/14736489.2014.873670.

Neher, Clark D. *Southeast Asia in the New International Era.* Boulder, CO: Westview Press, 2013.

Snyder, Scott A. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers.* New York: Columbia University Press, 2018.

Sukma, Rizal. *Islam in Indonesian Foreign Policy: Domestic Weakness and the Dilemma of Dual Identity.* London: Routledge, 2003.

Walt, Stephen M. "Alliance Formation and the Balance of World Power." *International Security* 9, no. 4 (1985): 3–43.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

Yates, Robert. *Understanding ASEAN's role in Asia-Pacific Order.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2020.

Сведения об авторах

Илья Владимирович Дьячков,
к.ист.н., доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, доцент ВАК
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Алексей Дмитриевич Даниленко,
магистрант Центра современных индийских исследований,
Геттингенский университет им. Георга Августа
37073, Германия, Геттинген, Вильгельмплатц, 1

Полина Павловна Калугина,
помощник декана Факультета международных отношений,
эксперт Центра анализа и продвижения результатов научной деятельности МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Никита Сергеевич Куклин,
к.ист.н., эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России,
доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: asean@immo.mgimo.ru

Дополнительная информация
Поступила в редакцию: 1 ноября 2024.
Переработана: 23 декабря 2024.
Принята к публикации: 24 декабря 2024.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании
Публикация подготовлена в рамках гранта ИМИ «Национальные школы подготовки дипломатов» (№2025-04-05).

Цитирование
Дьячков, И.В., Даниленко, А.Д., Калугина, П.П., Куклин, Н.С. Подготовка дипломатов и внешнеполитическая субъектность: опыт стран Азии // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 40–65.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-40-65

Diplomatic Training and Sovereign Foreign Policy: Experience from Asia

ABSTRACT

This article analyzes the relationship between diplomatic training and the international positioning of countries, using the example of the Asian macro-region. The paper is a case study focusing on the experiences of China, Vietnam, the Republic of Korea, Indonesia, and India. Through detailed country analyses, the paper aims to examine how the quality of diplomatic training correlates with states' aspirations for autonomy and sovereignty in the emerging polycentric world order. The methodological framework of the study incorporates a multi-paradigm approach, integrating a neorealist perspective of the state as the central actor in international relations and a constructivist analysis of the impact of social practices on diplomatic strategy. An examination of the diplomatic training systems of the countries reveals a complex relationship with their foreign policy and personnel policies. The study finds a non-causal correlation between the foreign policy positioning of countries and their diplomatic training models. A state's desire to increase its autonomy depends to a greater extent on its role and position in world politics in the space-time continuum. Thus, based on historical experience, among the cases studied, the desire for autonomy is stronger in those states where the colonial trauma is more acute. "Sovereignty" can take different forms depending on the resources available to a state. At the same time, quality diplomatic training ensures the possibility of implementing the sovereign line and provides the necessary human and ideological tools for this purpose.

KEYWORDS

diplomatic training, foreign policy independence, sovereignty, foreign policy strategy, Asia

Authors

Ilya V. Dyachkov,
PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Alexey D. Danylenko,
Master's Student, Center for Contemporary Indian Studies, Georg-August-Universität Götingen
1, Wilhelmsplatz, Göttingen, Germany, 37073

Polina P. Kalugina,
Assistant Dean, School of International Relations, Expert, Center for Analysis and Promotion of Research Results, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Nikita S. Kuklin,
PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Oriental Studies; Expert, ASEAN Centre, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: asean@immo.mgimo.ru

Additional information

Received: November 1, 2024. Revised: December 23, 2024. Accepted: December 24, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant "National Diplomatic Training Schools" provided by the Institute for International Studies, MGIMO University (no. 2025-04-05).

For citation

Dyachkov, Ilya V., Alexey D. Danylenko, Polina P. Kalugina, and Nikita S. Kuklin.
"Diplomatic Training and Sovereign Foreign Policy: Experience from Asia."
Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 40–65.
https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-40-65